

должна посредством обмена заместиться равной стоимостью, и потребительная стоимость, которая, как случайно избыточная, заменяется другой потребительной стоимостью. Но уже здесь, в отличие от первобытного обмена, меновые пропорции далеко не случайны для скупщика.

На новой ступени обмена торговец, являющийся в деревню, уже говорит: такое-то количество денег ты можешь получить за шерсть, за перо. 10 золотников серебра = 1 овце или двум шкурам, или 10 фунтам пуха. Торговец развернул свою деятельность, произвел расценку всему, чем располагает деревня. Инициатива обмена, установление пропорций — опять-таки дело больше его, чем деревни.

Потом деревня уже сама заявляет: и 1 овца, и 10 фунтов шерсти, и 5 фунтов льна, и 2 пуда ржи, — каждый из этих предметов = 10 золотников серебра. Деревня вынуждена сама пойти на рынок. Обмен разложил старый экономический строй деревни, пронизал все ее внутренние отношения, все превратил в товар, всему дал расценку на серебро.

Разумеется, в эпоху авторитарно-родовой общины процесс развития обмена не только шел неизмеримо медленнее, но и реформирующее влияние на жизнь имел лишь несравненно более слабое, — лишь весьма частичное, если брать его с количественной стороны. Однако, с качественной стороны дело представляется иначе: во внутренние отношения группы вошло принципиально новое содержание.

Встречаются два рода. С той и другой стороны выступает по наиболее сильному члену, которые на данный момент являются представителями своих родов; если вспыхнет битва, они же, как передовые борцы, окажутся и вождями, за которыми последуют остальные.

Встреча окончилась мирно. В качественном и количественном отношениях производство обоих родов почти одинаково; поэтому обмен, возникающий вследствие временного сближения между ними, едва ли пойдет много дальше первоначального акта, при котором представители обменялись, напр., топором и стрелами. Все внутренние отношения родов после их расхождения остались такими, как были до встречи.

Но все, чем располагает каждый род, приобретает теперь особенное значение. После встречи с чуждым родом, — а это для первых ступеней равносильно встрече с враждебным родом, — данный род сохранил за собой и свою территорию; и все предметы потребления, которыми он обладает. Он отстоял их от чуждого рода или в действительной схватке, или благодаря тому, что встречный род не рискнул с ним сразиться. Более того: он, быть может, отнял у встречного рода все, на чем покоилось существование последнего: и территорию, и орудия, и запасы. Таким образом, все, чем обладает каждый род, благодаря взаимным столкновениям, выступает, как *собственность* каждого рода. И уже здесь до полной

обнаженности ясно, что отношения родовой собственности суть лишь особое выражение отношений силы.

Временный представитель уже выделяется здесь из остальной массы рода. Увеличение количества актов обмена дает возможность его дальнейшего выделения. Он получил топор от другого рода, — он добыл этот топор. Постепенно утрачивается представление, что действовал не столько он, сколько через него действовал род. Данный топор, добытый представителем рода от другой группы, не таков, как остальные топоры, произведенные коллективным трудом общины.

Еще более благоприятная почва создается для зарождения таких представлений, если встреча приводит к сражению, — а это на первых ступенях межродовых отношений более обычно и вероятно, чем мирный обмен. Битва начинается между представителями родов. Давид берет доспехи поверженного Голиафа. Они добыты его личной силой, сообразительностью и храбростью: первоначальная схватка определила исход всей битвы. Масса только довершила дело: она может распоряжаться тем, что захвачено ею самой. Так возникает зародышевая форма тех отношений и тех представлений, которые мало-по-малу превращают впоследствии собственность *родовую* в *личную* собственность главы рода.

Когда обмен становится более регулярным и дает возможность развиться качественным различиям в производстве обменивающихся родов, предводитель племени освобождается от контроля рода. Сначала он, руководя обменом, только исполнял общую волю рода. Даже у современных дикарей обмен — в высшей степени сложная и до крайности медлительная процедура. Представители встречающихся племен взаимно обмениваются подарками. Это их индивидуальный акт. Но дальше каждый род выступает уже как коллективное целое. Каждый член рода осматривает, обнюхивает, ощупывает, прикидывает, привешивает к руке предмет, предлагаемый другим родом. Все принимают участие в обсуждении полезности, добротности предметов, выгоды намеряющейся сделки, — как отчасти еще и теперь в захолустных деревнях полдеревни принимает участие в покупке бус или зеркала у заезжего корабейника. Представители только руководят торгом и потом они же передают друг другу из рук в руки предметы, которыми роды решили обменяться. Этот момент — один из критических. Легко может случиться, что две стороны не поняли друг друга, что предмет передается не тот и не в том количестве, как ожидалось. Только что начавшееся мирное обложение переходит в ссору, которая легко ведет к кровопролитной развязке. Обычная картина «цыганского» торга на каком-нибудь конском рынке дает лишь слабое представление об условиях первобытной торговли. Хотя цыгане и сумели сохранить некоторую долю кочевой первобытности, но и они, как та земледельческая группа, которая противостоит им на рынке, крестьяне, во всякий момент, чувствуют

над собой мощную регулирующую силу современного государства. В шумном торге конского рынка прорываются поэтому лишь проблески первобытных меновых отношений.

В виду обычного характера первоначального обмена, представителем рода при меновых отношениях выступает чаще всего не старейшина, руководитель его мирной деятельности, а наиболее сильный и опытный воин, тот член рода, который в сражениях выдвигается, как предводитель. Но с силой и опытом он должен сочетать также немалую осторожность и хитрость. Это — эмбрион позднейшего Одиссея, в котором воин успел уже порядочно ступешевать перед купцом. Он должен обставить дело так, чтобы противная сторона не высмотрела слабых пунктов, не предъявила неумеренных требований, не напала врасплох, не отняла у рода и своих первоначальных подарков, и всего, что у него было, чтобы, наконец, просто не уничтожила его. Благоприятный исход встречи становится личной заслугой вождя. Его же заслуга, если он во время подаст сигнал к нападению и превратит обмен в успешный грабеж.

Так развивающийся обмен создает отношения, выделяющие вождя из остальной массы рода, превращающие его функции из временных в постоянные, делающие его центром вновь возникающих представлений, — представлений о собственности.

Но те же явления, как из отношений между родами, возникают из отношений и между предводителями. Меч не отнят вражеским предводителем, а выменян на топор, — значит, вражеский предводитель побоялся напасть, значит, топор добыт силой. На почве этих фактических отношений силы постепенно развивается представление о топоре, как *собственности предводителя*.

Несомненно, именно с этой эпохи в «украшениях» с особой силой выдвигается новая сторона, которая в предыдущий период только начала намечаться. Возникнув в период расширения общественных связей первобытного рода, они отмечали в первую очередь принадлежность к тому или иному роду, т. е. объединяли членов одного и того же рода и отмежевывали один род от других. Теперь коллективная жизнь и деятельность рода, его честь и достоинство начинают персонализироваться в предводителе, в его «подвигах» и «деяниях», о которых свидетельствуют украшающие его трофеи. Развивается та наивная хвастливость, которую путешественники отмечают в вождях диких племен, и рядом зарождается приращенность массы перед вождями. Украшения принимают все более индивидуальный и индивидуалистический характер: выделяют отдельную личность из остальной массы рода, кричат об ее личных заслугах. Украшения, как и оружие, развиваются в символы превосходства данной личности над другими, — в ее личную, частную собственность.

Раз начавшись, процесс дифференциации с большей или меньшей быстротой, в зависимости от условий, разлагает прежнюю сплоченность рода, разрушает первобытный, стихийный, естественный коммунизм его производственных и распределительных отношений. Установить последовательность отдельных его ступеней не всегда удастся, в различных местах она была, несомненно, различна. Но общее направление и окончательные результаты процесса не возбуждают сомнений.

Зародившись, частная собственность всегда обнаруживает тенденцию к расширению. Этому благоприятствуют отношения обмена-войны, которые все больше превращаются в одно из главных условий существования рода. Военная добыча уже не поступает в общее распоряжение рода, а подвергается разделу, причем особую долю получает, прежде всего, предводитель. Являясь *выражением* дифференциации, уже наметившейся внутри рода, этот раздел, в свою очередь, углубляет и ускоряет ее.

Так как обмен вначале лишь немного отличается от военного грабежа и вымененные продукты тогда лишь случайно и неуловимой гранью отмежевываются от военной добычи, то отношения обмена совершенно так же, как и война, выдвигают вождя из общей массы рода. Из вымененных продуктов ему выделяется особая доля, — он получает вознаграждение за успешный обмен.

На дальнейшей ступени обмен организуется уже, как более или менее отдаленный поход, трудности и опасности которого не всякому по силам. Из состава рода выделяется дружина с выбранными ею представителями. Мало-по-малу она становится меновым посредником между своим родом и чуждыми родами. Таковы зачаточные ступени пиратства у финикийян, военно-меновых походов норманнов, первоначальной торговли славянских племен; вероятно, такова же реальная основа греческого мифа об Аргонавтах. Обмен вырывается из-под контроля рода, превращается в функцию особой категории лиц, которые имеют полную возможность использовать его в своих интересах.

Расширяясь, отношения частной собственности в то же время стремятся упрочиться. Та борьба против матриархата, о которой говорилось выше, получает новую опору и стимул в стиснениях, сопровождающих развитие меновых связей. Вождь, борясь за наследственность своего положения, борется за наследственную передачу своей собственности. Исполняемые им особые функции, особое положение в роде, которое создали ему эти функции, порождают в нем взгляд на собственность рода, а потом и на самый род, как на свою личную собственность. Начинается упорная борьба за реализацию этих воззрений, — та, длительная революция, которая оканчивается полным переворотом, победой патриархата.

Стремясь оторвать свою жену от ее рода, мужчина при содействии своих родичей сначала похищает ее. По мере раз-

вития обмена вообще, прямой грабеж, похищение женщин, и здесь с величайшей медленностью развивается в обмен. Женщина превращается в товар, который покупает на первых ступенях род мужа, а потом, торжеством патриархального начала, сам муж. Шаг за шагом, но с величайшей последовательностью, род женщины устраняется от всякого контроля над ее судьбой, судьбой проданного товара, лишается права оказывать ей защиту и помощь. Ее муж становится полным, бесграничным ее собственником. Женщина превращается в вещь, в рабу, в такую же составную часть собственности мужа, как орудия, скот и утварь. Обрядности при заключении брака у многих народов до настоящего времени ярко иллюстрируют генетическую близость войны и обмена: подчеркивают, что муж и добыл жену силой, и купил ее, как товар.

От состава целостного раньше рода обособляется сначала семья вождя, а потом и семьи других организаторов, каждая со своей особой собственностью, со строгим наследованием ее от отца к сыновьям, среди которых старший скоро занимает привилегированное положение. Прибавочный продукт, производимый остальной массой рода, становится основным источником существования этих семей. Сначала между уровнем жизни организаторов и организуемых нет заметных различий. Впоследствии, по мере развития обмена, организаторы все больше отрываются от организуемых. Они начинают организовывать производство и обмен уже в своих интересах: для увеличения прибавочного продукта, для приращения своей собственности, нарастающей из поколения в поколение.

Начавшись наверху, процесс распада рода неизбежно распространяется книзу. Там тоже намечается обособление отдельных патриархальных семей с особыми интересами, отмежевывающими их от остальных.

Старый, непосредственно-коммунистический уклад жизни еще долгое время продолжает существовать; но он существует уже больше, как инстинкт, обычай, традиция. Дольше всего сохраняется он, как следует из всего предыдущего, внизу, среди организуемых. Только капитализму удалось с корнем вырвать эти остатки.

Но кое-где уже первобытный обмен сделал достаточно, — настолько достаточно, что некоторые историки самым решительным образом отрицают, напр., самую возможность матриархата у предков древнейших народов Востока: китайцев, ассирийцев, вавилонян, египтян, израильтян. Для них недопустима самая мысль о том, что хотя бы здесь собственность на вещи и на людей не всегда была основным устоем общества. Они хотят знать эти народы только такими, какими они выступают в их истории: с гробницами, художественными черепками, клинообразными надписями и — широкими межродовыми связями. Они не видят, что темп развития все ускоряется, что развитие тех самых отношений, которые у японцев, славян и германцев потребовали тысячелетий и даже

у греков и римлян развились достаточно быстро, у древнейших народов Востока стояли целого ряда тысячелетий упорной борьбы, которая предшествовала возникновению исторических документов. Тогда не было Геродотов и Тацитов, которые могли бы оставить нам свои хотя бы отрывочные наблюдения.

Если принять это во внимание, тогда придется удивляться не тому, что у китайцев и израильтян сохранилось так мало пережитков первобытного строя, которые современным борцам за авторитарные отношения и за частную собственность приходится устранивать натянутыми истолкованиями, а тому, что эти остатки вообще сохранились.

7. Силы развития в авторитарно-родовом обществе.

Попрежнему «натуральный» характер общинно-родового хозяйства, отсутствие экономической борьбы внутри общины, общий консерватизм форм жизни, — все это вместе необходимо вело к тому, что *основной* силой развития было абсолютное перенаселение.

Но повышение производительности труда и возрастание плотности населения, из него вытекавшее, сами по себе шаг за шагом уже изменяют и степень, и отчасти даже способ действия этой силы, по сравнению с предыдущей, первобытно-родовою эпохой.

Прежде всего, повышение производительности труда, а значит, и материального уровня жизни ведет к относительному уменьшению смертности, и самый процесс размещения ускоряется, быстрее и чаще, чем это было раньше, приводя к мучительному, но вынуждающему прогрессе противоречию между потребностями общины и суммой доступных для нее при данной технике средств существования. Словом, действие абсолютного перенаселения становится интенсивнее и острее.

С другой стороны, благодаря более плотному расселению, ближе и теснее становится соприкосновение родовых общин. Вследствие этого, ближайшим результатом наступающего хотя бы в некоторых общинах недостатка средств к жизни являются попытки грабежа соседей и захвата их земель, или вытеснения их с пастбищ, на которых они кочуют. Возникают бесчисленные мелкие военные конфликты. Роды ограбленные и вытесненные со своей позиции оказываются в состоянии, так сказать, отраженного перенаселения: противоречие между потребностями и суммой жизненных средств у них делается еще острее, чем то, которое толкнуло их победителей на борьбу с ними. Победенные вынуждены сами прибегнуть к тому же способу, — улучшить свое положение, и нападают на других соседей, чтобы захватить их территорию. Эти, в свою очередь, должны двинуться по тому же военному пути далее, и таким образом, обнаружившееся сначала в одном пункте

действие перенаселения волнами распространяется затем дальше и дальше, пока не натолкнется либо на естественные препятствия—море, непроходимые горы, либо на достаточно мощный отпор сильных в военном отношении родов.

Впоследствии подобная борьба ведется не отдельными родами, а целыми, иногда обширными племенными союзами. В этом виде она уже становится известна истории, которую описаны многие волны расселения племен, особенно монгольских и арийских, и, главным образом, в позднейшие эпохи авторитарно-родового строя, на границе феодального периода. События разворачиваются всюду по одному, приблизительно, типу: на какой-нибудь сравнительно замкнутой территории,—пампирское, иранское плоскогорье, восточно-монгольские, пустыни и т. п.,—сотни лет кочуют скотоводческие племена, пока, наконец, у них не начинается чувствоваться сильная земельная теснота. Тогда возникает внутренняя борьба между этими племенами, одни теснят других, и некоторое время равновесие поддерживается за счет взаимного истребления. Но в борьбе образуются все более обширные военные союзы, она становится напряженнее и острее, и наступает момент, когда человеческая волна переливается через край обычной кочевой территории, обрушиваясь на другие племена. Те, будучи вытеснены с родных мест, подаются дальше, тесня других соседей и т. д. Иногда победители, слившись с остатками побежденных, весьма быстро истощивают их территорию и вынуждены идти дальше в своем завоевательном походе; иногда их вынуждает к этому и крайнее опустошение, которому они во время борьбы подвергли завоеванные области: стоит припомнить, в какую мрачную пустыню превращали иногда кочевники, в роде монголов, раньше цветущие страны, особенно страны с культурой, основанной на искусственном орошении или регулировании рек, которого кочевники, разумеется, не могли поддерживать. Так получались иногда переселения воинственных племен, длившиеся десятки, даже сотни лет, и простиравшиеся на тысячи и тысячи верст от их первоначальной родины. Все различные комбинации этих типов мы находим в исторических расселениях германских племен, затем славянских и монгольско-тюркских.

Здесь, следовательно, действие абсолютного перенаселения принимало форму отчаянной борьбы за территорию и хронологических переселений. То и другое делало необходимым развитие техники: в военной конкуренции группы с высшей техникой имели, обыкновенно, преимущество; а при переходе на новые места изменение прежних производственных приемов и усвоение новых было неизбежно, просто в силу невозможности полного сохранения старой техники в новых условиях. Необходимость технического прогресса еще более усиливалась и обострялась тем жизненным противоречием, что многочисленность общины была очень важна для ее военной самоза-

щиты и удержания за собою территории, и в то же время, конечно, ускоряла и усиливала развитие перенаселения. Благодаря первому обстоятельству, родовые общины легко принимали в свою среду иноплеменников и даже военнопленных, чаще всего—прямо их усыновляя; но этим в общину вносились новые элементы, а с ними проникали и технические новшества, с которыми община, при возрастающем гнете перенаселения, не могла бороться так решительно, как прежде.

Возникновение и первые шаги обмена сами по себе, как мы выяснили, знаменуют повышение производительности труда и ведут к ускоренному размножению, а значит—к усилению и обострению действия основной силы развития—абсолютного перенаселения. Кроме того, обмен ускоряет техническое развитие еще тем, что дает для него новый, готовый материал—знакомит одни общины с продуктами, а косвенно и с техникой других общин, ведущих производство в иных природных условиях. Поэтому, пути обмена часто должны были становиться путями завоевательного переселения даже и помимо той первоначальной связи войны с обменом, на которую мы указывали. Словом, прогрессивная роль обмена сливалась тогда с влиянием основной силы развития и лежала в ее рамках. Это и вполне естественно, так как по своему основному характеру хозяйство общины было попрежнему натуральным; значение обмена было больше эпизодическим, он захватывал лишь сравнительно очень малую долю хозяйства; рынок, поскольку он уже складывался, еще не знал систематической конкуренции между продавцами одних и тех же товаров. Обмен, следовательно, не мог еще развить самостоятельной силы развития, которою на последующих стадиях социальной жизни является именно эта конкуренция.

Но не будучи самостоятельным двигателем прогресса, а пока еще только подчиненным, обмен, тем не менее, уже обнаруживает, как мы видели, свое преобразующее действие на строение общества,—главным образом, в выработке форм собственности и возрастающем обособлении организаторской функции, во все большем возвышении организаторов над остальными членами их общин. Это влияние, усиливая и углубляя собою влияние войн, проистекавших из абсолютного перенаселения, во многих чертах определило собою переход к дальнейшей, высшей фазе экономической жизни—к феодальному обществу.

III. Феодальная система.

На новой ступени развития расселение родов становится настолько тесным, что соседские отношения необходимо должны превращаться в союзные отношения: без этого размежевание и самое существование родов становится невозможным. Феодализм и был той экономической и политической формой, в которую вылилось возрастающее сближение родов.

Основным экономическим фактом эпохи было значительное повышение производительности земледельческого, скотоводческого и охотничьего труда. В зависимости от прошлой экономической истории родов и от различия в естественных условиях, оно неодинаково совершалось в разных областях. Действительная экономическая история не признает тех ступеней техники, через которые, по старинным воззрениям, прошло будто бы все человечество: охота, скотоводство, экстенсивное земледелие, интенсивное земледелие. Существуют целые обширные области, в которых земледельческое население не могло бы достигнуть такой степени плотности, какой уже в древние времена достигло скотоводческое население. В некоторых приморских областях земледелие почти совсем невозможно, охота же и, особенно, рыболовство, ее особая отрасль, уже много столетий тому назад достигли такой степени технического развития, что прибрежные полосы по густоте населения могут померяться с некоторыми земледельческими районами, по меньшей мере с теми, в которых преобладает замкнутая система. С другой стороны, примитивное земледелие во многих случаях предшествовало скотоводству и долгое время соединялось с охотой.

В зависимости от этого, мы наблюдаем феодальные отношения в самых различных странах, в которых преобладание принадлежит самым разнообразным отраслям производства: в Западной Европе, в которой уже 1000 лет тому назад господство завоевывает земледелие с трехпольной системой, характеризующейся соединением земледелия со скотоводством; в Китае, в его чисто земледельческих областях, где скотоводство с незапамятных времен не играло существенной роли; в близкой нам по времени Персии и Малой Азии, где кочевое скотоводство еще недавно имело, да отчасти и теперь имеет решающее значение, хотя оно уже соединяется с довольно интенсивным земледелием (садовая культура); в прибрежной полосе японских островов, в которую возделывание риса проникает лишь в новейшее время; в древней Месопотамии с ее преимущественно огородной и садовой культурой по берегам рек и с кочевым скотоводством — на окраинах; у средневековых норманнов с решительным преобладанием рыболовства; в древнем Перу с тщательной культурой маиса, картофеля, некоторых бобовых и немногих других растений, со сложными оросительными сооружениями и т. д. Вообще, феодализм соответствует определенным *ступеням* развития производительных сил, связан с их *уровнем*, а не с тем или иным их характером, не с тем или иным направлением производства, не с преобладанием той или иной отрасли последнего.

Разумеется, различие конкретных условий, при которых совершалось развитие феодальной системы, оказало огромное влияние на степень ее выработанности у различных народов. У одних феодализм не пошел дальше первых сла-

бых зачатков, у других развился в сложную и устойчивую систему, сохранявшуюся в течение многих веков, у третьих, наконец, он был короткой стадией развития, которая быстро смирилась рабовладельческими отношениями или родственными им отношениями своеобразного полицейского государства.

Хронологически эпоха феодализма в различных пунктах земного шара не совпадает. Месопотамия и Египет проходили через эту ступень развития тысячи за 4—5 лет до нашего времени; в древней Греции до времен Пелопонесской войны существовал еще местами своеобразный «городской феодализм»; средневековая Италия в XII и особенно в XIII веках переходит к следующей стадии развития; в России периодом феодализма можно считать X—XV. века; в Перу он был живуч в эпоху вторжения европейцев; Персия и Малая Азия—их области, удаленные от торговых путей,—стачасти до сих пор переживают «средневековье»; начало феодализма в Японии историки обыкновенно относят к XII—XIII столетиям, а крушение—лишь ко второй половине XIX века, хотя феодальные отношения в действительности и возникли много раньше, и окончательно подточены были задолго до прошлого века.

Хронологическое отграничение эпох экономического развития вообще трудно, иногда невозможно. По мере того, как одни области поднимаются на сравнительно высокую ступень культуры, для остальных создается тем самым воздействующая на них «культурная», «историческая» среда. Все процессы развития протекают у них с большою быстротой. Старые экономические отношения еще сохраняются в замкнутых областях, а в местах, где перекрещиваются влияния передовых соседей, они уже совершенно разрушены и уступают место отношениям нового типа. Благодаря этому, иногда на самой маленькой территории, напр., в некоторых областях Кавказа, причудливо сталкиваются, то сохраняя свою обособленность, то давая удивительную помесь, формы замкнутого патриархально-родового быта с отношениями развитого феодализма и с энергичной деятельностью торгового капитала, настойчиво прокладывающего дорогу новым формам. Так и в древней Греции—на этом небольшом клочке земли, на котором одно время сконцентрировалось быстрое поступательное движение Европы,—Афины оставили феодализм позади за собой в такую эпоху, когда в «варварской» Македонии еще шло сплочение обособленных патриархальных родов.

Задача последующего отдела—выяснить основные условия, которые приводили к созданию феодальной системы, и общие черты, которые характеризуют экономические отношения на соответствующей стадии развития. Специальное описание конкретных форм феодализма относится к общей и экономической истории отдельных стран, а также к истории их юридических учреждений.

1. Развитие техники.

Наметившееся раньше территориальное разделение труда выступает в более определенной форме. В каждой области наиболее прочно удерживаются те роды, у которых преобладания достигли отрасли производства, наиболее соответствующие естественным условиям данной области.

Рассмотрим, как шло развитие земледелия.

Попадая в области, благоприятные для земледелия, будущие земледельческие роды укрепляются первоначально в местах, подготовленных как бы самой природой: в районах возделывания риса занимают естественные болота, в речных долинах—места, удобряемые естественными разливами и свободные от порослей. Переселенцы как бы вклиниваются среди аборигенов, которые или уничтожаются, или отбрасываются в леса, степи и горы, где они могут вести первобытно-охотничью и первобытно-кочевую жизнь.

Новый род сначала не удерживается прочно на занятых местах. «Запашки» переносятся из области в область, земледелие носит кочевой характер, иногда уступает по своему значению скотоводству, прочного жилья нет, сельскохозяйственный инвентарь скуден и однообразен, «отбор» еще не направился в эту сторону. Решающее значение для существования рода имеет еще не земледелие, а вся совокупность занятий родовой группы. Новые общины все еще не приспособились к особым естественным условиям своих особых территорий, и эти территории еще не представляют для них особых преимуществ по сравнению с окружающими.

Продолжающееся вторжение поселенцев извне и размножение прежних приводит к тому, что по истечении длинного ряда поколений все места, от природы готовые к возделыванию, оказываются захваченными. Земледелие становится оседлым, жилье—постоянным, прирученный скот, если скотоводство еще сохраняется,—домашним скотом, территория, занятая каждым родом, превращается в его прочную собственность. Эта собственность охраняется от обычных в ту эпоху нападений тем, что возникающее селение развивается в укрепление: окружается рвами и плетнями, валом и тыном, иногда каменной или деревянной стеной. Всякая попытка перенести возделывание на новое место приводит к истребительной борьбе, жертвы которой не всегда окупаются выигрышем.

Для увеличения численности населения становится безусловно необходимым увеличение площади, пригодной для земледелия. В одних областях, как в Японии, в некоторых частях Индостана и Перу, начинается расчистка лесов и порослей, которая идет рука об руку с уничтожением или, по меньшей мере, с подчинением аборигенов. В других областях—в Китае, Месопотамии, Египте, отчасти Индостане и в Перу,—начинает применяться искусственное орошение, даю-

щие новые и новые участки плодородной почвы на месте прежней бесплодной.

Естественно, что те родовые группы, которые первыми успели расширить свою земледельческую территорию, должны были получить решительный перевес над соседями. Объединенные процессом победоносной борьбы с природой, выведенные этой борьбой из своей первобытной замкнутости, они сплошь, без перерывов и промежутков, занимают обширные области и, как многолюдная, компактная, внутренне-сплоченная масса, выступают против своих отсталых соседей, разбитых на слабые, разъединенные группы. Этот процесс в конце концов приводит к тому, что новое земледелие, устойчивое и оседлое, — с расчисткой лесов, а местами и с искусственным орошением, — совершенно вытесняет земледелие первобытное. Процесс этот не изменяет своего направления, но только протекает быстрее, если роды в той или иной мере объединяются завоеванием или необходимостью сопротивления внешним врагам, — напр., каким-либономадам.

Частью одновременно с расширением земледельческой территории, частью по его завершении развивается другой процесс: улучшение обработки почвы, старательный подбор наиболее подходящих растений, применение различных способов для сохранения и повышения урожайности почвы. Так первобытное земледелие с его небрежным и поверхностным взрыхлением почвы мало-по-малу развилось в ту огородную, «грядковую» культуру хлебных растений, которая уже много веков существует в Японии и, особенно, в Китае. Так возникла та знаменитая «садовая» культура древней Месопотамии (отчасти и Финикии), эмпирические завоевания которой лишь через несколько тысячелетий получили теоретическое истолкование (у Дарвина): из диких растений с плодами, не лучше плодов дикой яблони, упорным коллективным трудом длинного ряда поколений созданы были культурные растения: финиковая пальма, фиговое дерево (винные ягоды), маслина (оливковое дерево)¹⁾.

В этих интенсивных формах земледелия главными орудиями подготовки и обработки почвы служили топор, мотыка и заступ. Рабочий скот здесь не может найти сколько-нибудь широкого применения, иногда совершенно отсутствием, как во многих земледельческих областях Японии и Китая. Искусственное удобрение частью не играет особенной роли, — обильное естественное удобрение производится речными разливами, — частью для удобрения служат человеческие экскременты

¹⁾ Эти примеры, — а их число было бы легко увеличить, — кстати сказать пригодны для выяснения истинной ценности теории «убывающего плодородия почвы», — убывающего по мере экономического развития. Раньше, говорят сторонники этой теории, стоило только протянуть руку, чтобы набрать всевозможных плодов; теперь плодовые деревья приходится культивировать. Скрытой, предпосылкой теории, очевидно, является застоялая техника.

и огоро́сы потребительного хозяйства. морские водоросли, рыба, низшие животные и т. д. Вся земля, сколько-нибудь доступная обработке, превращается в «пахатную землю», точнее—в поля, сады и огороды. Леса выкорчевываются, луга исчезают, песчаные, неплодородные пустоши покрываются слоем плодородной земли, которую приносят иногда с значительного расстояния. Скотоводство, по всем этим причинам, может до чрезвычайности сократиться и свестись к выкормке нескольких свиней при каждом хозяйстве и к разведению домашней птицы.

В том же основном направлении, но при иных условиях, а потому и с иными результатами развивалось европейское земледелие: греческое и римское под несомненным влиянием Египта, из которого оно заимствовало и главные культурные растения, и основные земледельческие орудия, и способы обработки земли: средневековое—под прямым воздействием римского земледелия, забытая техника которого медленно восстанавливается и распространяется в течение почти 1½ тысячи лет, после так называемого великого переселения народов.

Главную основу существования древнейшей Греции составляло скотоводство: разведение коз, овец и свиней. Первобытное земледелие служило только некоторым подспорьем к нему. Но потом относительное значение земледелия и скотоводства изменилось. Уже в эпоху Гезиода (около 800 лет до Р. Х.) возделывание земли стоит довольно высоко. Почва распахивается сменившим мотыку плугом, в который запрягается рабочий скот (волы). Истощение почвы, как результат однообразных культур, известно грекам этого времени. Применяется удобрение навозом и растениями, которые запахиваются в чедозрелом виде (зеленое удобрение). Через известные промежутки земля оставляется под паром; повидимому, уже возникает зарослевая форма трехполья. Для расширения площади запашек иногда предпринимаются обводнительные работы. Главными хлебами являются ячмень и пшеница, близ городов к ним присоединяются овощи, бобовые растения и т. д.

Дальше земледелие древней Греции не пошло в своем развитии. Гористый характер страны более благоприятствовал скотоводству. До эпохи тиранов (около 500 лет до Р. Х.) шерстяная склежда, мясо, молоко, сыр, как предметы потребления, имели большее значение, чем растительные вещества. С развитием торговли появляется привозный хлеб. Местное земледелие сосредоточивается на культуре маслины, фигового дерева, винограда.

В Италии расчистка земли от зарослей и подготовка ее для обработки стала применяться, повидимому, еще у этрусков, предшественников римлян. Последние настолько энергично продолжали ее, что уже в первые века существования Рима земледелие сделалось господствующим занятием и оттеснило скотоводство, превратив его в подсобную отрасль при

земледелия. К сельскохозяйственным орудиям Греции в Риме присоединяется борона; кроме того, применяются грабли, серп, вилы и т. д., — словом, уже почти все основные орудия современной деревни. Возделывалась пшеница, просо, полба, ячмень, свекловица, конопля, лен, — большая часть современных культурных растений.

У кельтов, германцев и славян ¹⁾ история земледелия как бы повторяется сначала. Когда они впервые сталкиваются с Римом (и Византией), у них господствует первобытное производство: соединение почти недифференцированных охоты, скотоводства и земледелия. С увеличением населения, размах блужданий все более сокращается, роль земледелия возрастает. Но оно еще долго носит бродячий характер дикой переложной системы: пригодные для обработки места, главным образом, речные долины, засеваются каждый год одним и тем же хлебом до тех пор, пока не наступает истощение. В дальнейшем, когда все такие места уже захвачены, совершается переход к расчистке лесов, к выжиганию древесных остатков, к осушению болот. Создав новую почву, человек и на ней остается только до тех пор, пока не истощит ее посевом

¹⁾ Здесь, как и в других местах, мы употребляем эти термины скорее, как географические, чем как племенные, не вкладывая в них никакого „расового“ содержания. В последнее время приводятся очень убедительные доказательства в пользу того, что даже около начала нашей эры кельтские роды не всегда достаточно ясно отграничивались от германских. Первобытные предки германцев в свою очередь выделались, как нечто отличное от первобытных славянских родов, лишь после того, как те и другие достаточно прочно осели на более или менее отграниченных территориях. Для современной науки понятия „славянская душа“, „германский дух“, „арийская раса“, которыми так охотно оперируют „расовые теоретики“ и начиная с антисемитов и кончая новейшими колонизаторами, все более превращаются в пустые слова, которыми замазываются колоссальные пробелы в действительном изучении предмета. Если за этими словами и скрывается что-нибудь, то отнюдь не „изначительные свойства“, — которые будто бы определяют всю будущую судьбу народа, как свойства семени определяют характер дерева, — а продукт исторического развития. Притом, это — очень позитивный продукт; возник он лишь после того и в той мере, как полная недифференцированность первобытного производства уступала место территориальному (в то же время и межродовому) разделению труда, территориальной обособленности развивающегося производства. Поскольку новейшая техника выдвигает единое, общее, универсальное в экономических отношениях перед особенным, исключительным, ограниченным, локальным, постольку ингерациональное уже давно начало борьбу против национального. „Расовые теоретики“ вообще перепутываются: немецкие приписывают немцам те самые добродетели, которые славянские приписывают славянам; славянские первые наделяют теми пороками, которые славянскими „теоретиками“ открывают только у немцев. Перепутавшись „расовые теоретики“ ищут прибежища у „арийской расы“, чтобы потом окончательно раствориться в „народах европейской культуры“. Неосознанной данью расовым теоретикам является резкое, внеисторическое противопоставление „Востока“ и „Запада“ и выведение из этого противопоставления особенностей их исторического развития. Действительно научный подход к делу требует, чтобы на конкретных условиях исторического развития было выведено различие тех результатов, к которым оно успело привести до настоящего времени.

одних и тех же растений. Но современем он начинает забрасывать ее только на срок, необходимый для того, чтобы она «отдохнула», — чтобы произошло ее разрыхление корнями и естественное удобрение гниющими частями растений. Переложная система становится более совершенной, земля утилизируется интенсивнее, область, в которой род периодически передвигается с места на место, суживается. Относительное значение скотоводства падает, так как для пастбища остаются только непригодные для земледелия луга, сокращающиеся лесные выгоны и отдыхающая пахатная земля. В значительной части Сибири земледелие до сих пор технически ушло не много дальше этой ступени, которая воспроизводит перед нами — в новой исторической обстановке — далекое прошлое Запада.

Расширение земледельческой площади сопровождается оттеснением аборигенов: литовцев и славян — при распространении германцев на восток и север; финнов — при передвижении славян на северо-восток, из бассейна Днепра в бассейн Волги (XII—XVI века); татар — при позднейшем передвижении славян в южные поля и степи, где скотоводство еще долгое время сохраняет перевес над земледелием (XVI—XVIII, частью даже XIX век); башкир, киргизов, бурят и т. д. — при новейшем движении к Уралу и за Урал. Коренное население с своим первобытным производством все дальше отбрасывается в леса и степи, все больше стискивается в суживающемся кольце. Часть его истребляется, часть до настоящего времени влечет существование примитивных охотников и скотоводов, — оленеводов и рыболовов севера, — часть переходит к земледелию и смешивается с пришельцами.

Но в то время, как на периферии все дальше распространяется экстенсивная займочная система, в местах своего возникновения это «новое» земледелие уже оказывается устарелым и уступает место еще более интенсивному использованию земли. Перенос запашек становится невозможным и, во всяком случае, слишком затруднительным, если не потому, что нераспаханной земли не осталось, то — и даже главным образом — потому, что решительно вся земля превратилась в собственность. Расчищая новую землю, земледелец должен быть готов к тому, что к старым повинностям за старую, отдыхающую землю прибавятся новые обязательства за новую землю (зачаточная форма абсолютной ренты). Единственно, что он может сделать, — это уйти к новому собственнику, который даст ему возможность заниматься земледелием на более легких условиях. Но уже одна эта необходимость перемены собственника суживает размах передвижения земледельческого населения. Современем самый процесс передвижений приводит к повсеместному распространению однообразных условий землепользования и, следовательно, шаг за шагом ослабляет, если не совсем уничтожает, побуждения к переходу от одного владельца к другому. Но

уже раньше землевладельцы начинают принимать разнообразные меры с той целью, чтобы удержать земледельцев на своей земле. Переход становится возможным только, как бегство. А это предполагает отказ от дома и почти от всего сельскохозяйственного инвентаря, который создавался и увеличивался в ряду поколений. Фактическое ограничение возможности передвижения земледельцев развивалось одновременно с развитием частной собственности на землю и приводило к прочной, абсолютной, чисто деревенской оседлости много раньше, чем совершилось юридическое прикрепление земледельца к земле.

Дикая переложная система через ряд промежуточных звеньев развивается в трехпольную систему. По мере того, как сокращается площадь новых запашек, становится необходимым все более быстрый возврат к старым запашкам. Количество лет, в течение которых земля отдыхает, все более сокращается. Но вместе с тем сокращается и число лет, в течение которых она может кряду родить одни и те же хлеба. Отдых земли становится все менее полным,—естественное удобрение приходится восполнять искусственным. Выгоны сократились,—необходимо относительно сократить количество скота, но зато интенсивнее использовать его для земледелия, и, с другой стороны, самое земледелие необходимо хотя бы отчасти приспособить для производства корма скоту.

Этот процесс приводит к тому, что вся пахотная земля разделяется на три приблизительно равные части. Каждая из них последовательно отводится в первый год под озимый посев, доставляющий преимущественно пищу для человека, во второй—под яровой, который отчасти доставляет корм для скота, отчасти предметы питания человека, в третий год—оставляется под паром, на котором пасется скот, в зависимости от климатических условий, до июня или июля. В остальное время года пастбищами служат сохранившиеся лесные выгоны и луга, поскольку они не предназначены для сенокоса. В стойлах скот остается только зимой и по ночам. Перед тем, как вновь поступить под озимь, пар удобряется запахиванием навоза.

Впервые появляется трехпольная система в средневековой Европе между V и VIII веками. В течение целого тысячелетия она распространяется к северу и востоку вслед за распространением и укреплением частной собственности на землю. Даже в Европейской России процесс ее распространения еще не закончен, в Азиатской же он едва начинается.

В Западной Европе трехполье оставалось господствующей системой земледелия в течение многих веков. Оно подвергалось некоторым несущественным видоизменениям, когда обстоятельства требовали расширить производство кормовых растений, как некоторые корнеплоды, стручковые, или же технических растений, как вайда (красильное растение), лен

или конопля. Но в общем это оставалось все то же трехполье. Европа пережила развитие и упадок феодализма, мягкие формы зависимости сменились беспощадными крепостническими, в городах развилось и отцвело автономное ремесло, суда крепнущего торгового капитала избороздили все моря, привели в известность весь земной шар, возникающий промышленный капитал успел подчинить себе ремесло, местами создал мануфактуру, кое-где начал переходить к организации фабрик,—а техника земледельческого производства все оставалась при старой сохе с бороной, при старом трехполье. Деревня все это время играет пассивную, страдательную роль. Движущие силы развития, которое приводит к ничтожным, еле заметным изменениям в технике сельскохозяйственного производства и к полным переворотам, коренным революциям в области деревенских общественных отношений, зарождаются в иной области, вне деревни, в постепенно обособляющемся от нее мире городских экономических отношений. И отсюда же исходят те силы, которые в новейшее время—на континенте Европы с конца XVIII века, в Азии с конца прошлого—нанесли и наносят смертельные удары средневековой деревне и ее средневековому производству. До эпохи промышленного капитализма нам почти не придется возвращаться к собственно земледельческой технике,—все это время она оставалась на средневековом уровне.

В средневековый же, феодальный период развились и приняли устойчивую форму и те процессы промышленной переработки продуктов земледелия, которые занимают промежуток от созревания растений до полной готовности к потреблению: приготовление волокна из льна и конопля (в Восточной Азии такое же значение имеет развившаяся с незапамятных времен размотка шелковичных коконов, связанная с разведением тутовых деревьев и шелковичных червей), сока из винограда, молотьба и размол хлеба. При некоторых из этих процессов, напр., при виноделии, требуются довольно сложные сооружения. Прimitивный ручной размол уступает свое место механическому, машинному уже с XIII века, когда получают быстрое распространение водяные мельницы. Мельник, наряду с кузнецом, представляет в Европе одну из профессий ремесленного характера, выделившихся в наиболее ранний период.

Окончательно устанавливается и современный способ приготовления растительной пищи, в первую очередь—хлеба. Первобытный «хлеб»: неперемолотые или слегка размельченные зерна, зерна, просто сваренные в воде (каша), толокно, разведенное в воде, пресное тесто, пресный же кисель, до сих пор напоминает о своей первобытности той особой ролью, которую он играет в религиозных обрядах, напр., на «паниках». В качестве пищи, он уже в ранний период средних веков вытеснен квашеным хлебом, усвояемость которого повышена процессом брожения. Приготовление его требует соору-

жений, несравненно более сложных, чем первобытный очаг, — последний именно за свою первобытность до сих пор служит в возвышенном стиле для обозначения кухонной печи, — или его ближайший преемник, камин; и очаг, и камин явным образом развились из простого костра, над которым приспособлена дымовая вытяжка с зонтом, применявшаяся еще в переносных шатрах. Печение хлеба, а иногда и приготовление теста, во многих местах постепенно обособляется от потребительного хозяйства. Выделяется профессия пекаря.

В том же основном направлении, в каком шло развитие земледельческих племен, — и сокращению площади, необходимой для того, чтобы доставить средства существования, — идет оно и у кочевников.

Давление распространяющегося земледелия отбрасывает кочевников в области, где на данной ступени техники скотоводство возможно почти только, как чистое скотоводство с незначительной примесью земледелия. Область кочевий сокращается. Необходимо использовать ее интенсивнее. Того же требует постоянная и все обостряющаяся борьба и друг с другом, и с уплотняющимися группами соседей-земледельцев.

Применение животных, в особенности верблюда и лошади, как средства передвижения, до крайности увеличило подвижность кочевников. Такое разграничение родов и их территорий, как, напр., овцеводов, описываемых в «Бытии», становится невозможным. Роды утрачивают обособленность. С другой стороны, там, где для пастбы стада необходимо 15—20 пеших пастухов, достаточно 4—5 конных. Высвобождающийся труд может направиться в другие отрасли производства. Кроме того, лишь с применением вьючных животных начинается образование всевозможных запасов в серьезных размерах: орудий, утвари, украшений. С этого же времени появляется переносное жилье: шатер, юрта.

Когда этот шатер ставится на колеса, т.-е. превращается в кибитку, в жизни кочевников открывается новая эпоха. Весь род становится подвижнее и легче может предпринимать переселения. Устраняются такие препятствия к образованию запасов, как необходимость вьючить и перевьючивать. Но, быть может, самое важное заключается в том, что шатер на колесах превращается в подвижную мастерскую: кузнечную, гончарную, прядильную, ткацкую. Жизнь кочевника становится совместимой с теми сложными приспособлениями, которых требуют эти производства, и даже с очень высоким развитием некоторых производств, напр., кузнечного, гончарного, коврового и красивного, которые в своей технической организации доходят иногда до ступени мануфактуры. В этом сравнительно высоким техническом развитии, наряду с развитием обмена, характеризующим бедуинов, надо искать простой основы того загадочно-быстрого промышленного и интеллектуального развития, которое некоторые кочевники, в особен-

ности арабы, проделали в какие-нибудь 3—4 сотни лет по возникновении феодальных государств в Азии, Африке и Европе: технический базис для этого развития начал складываться уже в кочевой период их существования.

Одежда из шкур и кож сменяется одеждой валяной, плетеной, тканой из шерсти. Но даже позже, в период господства одежды из животного и растительного волокна, меховые мантии и меховая оторочка в парадном облачении монархов напоминают о том, как расточительно хозяйствовал дикарь, уничтожавший животных, чтобы сделать одежду. Предник из шкур и кожи,—этот эмбрион одежды, из которого впоследствии возникло все ее разнообразие, приобретает характер, как было у египетских царей, ритуального облачения, тем самым свидетельствуя о своей первобытности.

Мясо было преобладающей пищей первобытных кочевников. Рациональное отношение к стаду вырабатывалось с величайшей медленностью. Известен рассказ о парагвайских индейцах, которые, оставшись без присмотра отцов-иезуитов, своих просветителей, перебили весь рабочий скот, чтобы получить небольшое количество мяса. Они действовали с первобытно-охотничьей логикой, которая в истории лишь шаг за шагом, под давлением изменяющихся условий существования, уступала место настоящему скотоводческому рационализму. Его еще нет даже в современной Аргентине, которую новейший капитализм превращает в поставщика продуктов скотоводства для Старого Света. Первая попавшаяся штука скота убивается здесь для того, чтобы получить шкуру, рога, может быть, небольшой кусок мяса. И хозяйствуют так уже не дикари, не индейцы, а европейцы и их смешанное потомство, которые, попав в мир экстенсивной культуры, строят свое производство на беспощадном расточении сил природы. На наших глазах они возреждают отношения первобытного скотоводства, осложненные капиталистической жадностью и развертывающиеся в капиталистическом масштабе. Со временем Аргентина тоже будет фигурировать, как страна почти безтрудового существования, утраченного человечеством вследствие «убывающего плодородия почвы».

Молоко не играло никакой роли в питании первобытного скотовода. Сначала побочный, несущественный продукт «охоты» на приручаемых животных,—как еще и теперь для племен Севера иногда второстепенный продукт китоловства,—оно и впоследствии добывается у некоторых племен посредством вскрытия вымени, т.е. уничтожением животного. И лишь много позже, с более близким приручением животных, возникает использование молока посредством высасывания, т.е. по образцу молодых животных. Впоследствии высасывание сменяется примитивным способом доения. А отсюда требуется уже небольшой переход к приготовлению более прочной формы молочных запасов: масла и, особенно, кумыса и различных видов сыра.

Процесс борьбы усиливает и закрепляет возрастающее значение молочного хозяйства. Наиболее обширными и сплоченными становятся те кочевые роды, которые устанавливают известное соотношение между мясной и молочной пищей, т. е. между уничтожением животных и использованием только их молока. Завершившись, процесс этот приводит к тому, что скотоводство внутренне дифференцируется: на убой идут уже, с одной стороны, преимущественно излишние молодые животные, а с другой, — старые, утрачивающие свою полезность и в качестве молочного скота, и в качестве средства передвижения; кроме того, особые виды скота выделяются, как преимущественно убойные (мелкий рогатый скот). Для существования группы прежних размеров становится недостаточным количество голов скота, ничтожное по сравнению с первобытно-скотоводческим стадом. Площадь земли, необходимая для кочевий этой группы, в несколько раз сокращается. Территория определенных размеров может в течение нескольких веков прокармливать уплотняющееся население.

В развитии производственной техники у скотоводов лежит объяснение того обстоятельства, что кочевники: парфяне, скифы, сарматы, авары, гунны, печенеги, арабы, турки, венгры, болгары, татары и т. д. — могли объединяться в густые полчища, которые в течение многих столетий осаждали земледельческую Европу и Переднюю Азию, и что земледельческая сплоченность европейского населения часто оказывалась бессильной перед их сплошным натиском.

Абсолютная величина трудовых затрат при новом земледелии и скотоводстве, несомненно, увеличивалась по сравнению с предыдущим периодом. Но она могла увеличиться только потому, что человек и больше ассимилирует энергии из внешнего мира, и больше экономизирует ее затрату: приготовлением пищи освобождает желудок от массы ненужной работы, устройством жилища и одеждой сокращает растрату животной теплоты и т. д. Таким образом, относительная величина трудовых затрат, т. е. величина их по сравнению с достигаемыми результатами, сокращается. Эту тенденцию в развитии земледельческой и скотоводческой техники можно выразить в следующих числовых отношениях, которые берутся просто для примера. Первобытный человек, затратив единицу трудовой энергии, из своей добычи ассимилировал такое количество энергии, которое давало, в конце-концов, все ту же единицу полезной работы. Первобытный земледелец и скотовод на единицу затраты получает полезной работы единицу уже с некоторой дробью. Наконец, новый земледельческий или скотоводческий род, затрачивая единицу труда, ассимилирует такое количество энергии, которое выразится в двух единицах полезной работы. В последнем случае каждая единица необходимого труда дает единицу прибавочного труда, между тем, как у первобытного человека прибавочный труд совершенно отсутствовал.

Но теоретики убывающего плодородия, обращаясь к первобытному человечеству, оперируют с другими цифрами. Раньше, говорят они, коза стоила десяти дней охоты, и ничего больше. Теперь она стоит 20 дней ухода, — следовательно, плодородие степи вдвое понизилось.

Они умалчивают, что раньше коза давала известное количество сырого мяса, на которое охотник мог просуществовать все тот же десяток дней. Теперь и при жизни, и по убою она удовлетворяет **разросшиеся** более многочисленные и разнообразные потребности таким образом, что дает возможность просуществовать не меньше 40 дней. Теоретики убывающего плодородия произвольно вырывают различные предметы потребления из развивающейся общественно-экономической обстановки и изображают дело так, как будто в системе человеческого хозяйства «коза», напр., означает застывшую, неподвижную вещь, а не бесконечно-сложный комплекс бесконечно изменчивых технико-экономических отношений; как будто коза первобытного хозяйства есть то же, что коза современной эпохи. Историю человеческих отношений они трактуют с чисто-зоологической точки зрения и представляют бережное отношение к силам природы, как регресс, для того, чтобы результаты варварского расточения этих сил земледелием и скотоводством капиталистического общества выдать за естественные, неустранимые особенности самого земледелия и скотоводства.

Развитие нового земледелия и скотоводства: корчевание лесов, осушение болот, более тщательная обработка земли и возрастающая борьба из-за территорий требовали производства более совершенных орудий, из более совершенного материала, чем камень. Переход от первобытного земледелия и скотоводства к новому есть в то же время постепенный переход от «каменного века» к «металлическому веку».

Выше уже указывалось, что невозможно провести резкую границу между этими двумя эпохами в производстве орудий. Новая, металлическая техника с величайшей медленностью оттесняет каменную и лишь по истечении нескольких веков вырабатывается в нечто, существенно, качественно отличное от нее. Вопреки мнению некоторых историков культуры, переворот, вызванный ею, по чрезвычайной медленности действий не идет ни в какое сравнение с промышленной революцией, в центре которой стоит паровая машина. Конечно, глубокая пропасть отделяет народы с развитой железной техникой от их предков каменного века. Но пропасть эта проложена лишь накоплением незначительных, едва заметных изменений, и не только в технике производства орудий, но и во всей совокупности одновременно изменявшихся отношений человека к природе.

Прежние историки, резко обособлявшие «металлический век» от «каменного века» и представлявшие переход от одного к другому в виде прыжка, — стоящего в полном проти-

воречии со всеми свойствами первобытного человека, — предполагали, будто их «железному веку» предшествовал «бронзовый век». Предположение явно несостоятельное. Во-первых, уже само по себе приготовление сложного сплава из меди и олова могло явиться лишь в сравнительно позднюю эпоху. Во-вторых, местонахождения олова очень редки, — в древней Европе, напр., почти только Британские острова.

Древнейшие железные орудия были настолько несовершенны по ломкости и хрупкости материала, что медные и, в особенности, бронзовые орудия еще долго находили более широкое распространение; потому-то и кажется, как будто бронза предшествовала железу. Так было, напр., в Греции эпохи Гомера и Гезиода (около 3.000 лет до нашего времени). В древнем Египте около 5.000 лет тому назад железо было известно, медь и бронза применялись несравненно шире, но преобладание принадлежало, повидимому, все еще орудиям из камня. Возможно, что развитие финикийской торговли, одним из видных предметов которой была бронза и бронзовые изделия, надолго задержало развитие первоначальной железной техники и в некоторых областях убило ее в самом зародыше. Она вновь поднимается в европейских странах, и прежде всего в областях классической древности, только за 8—10 веков до Р. X.

Примитивным способом получения железа из руды была не выплавка, а «выковывание», — кузнец, изготавливавший орудия, был в то же время и производителем железа. Древний Египет, отчасти и современные африканские племена, не пошли дальше этого способа. В своей более совершенной форме он сводится к следующему. Мелко истолченная руда перемешивается с древесным углем и засыпается в яму, — зачаточную форму кузнечного горна и даже позднейшей доменной печи, — в которой горение усиливается посредством меха, приводимого в движение рукой. Полученная раскаленная масса снова размельчается, и тот же процесс повторяется несколько раз снова. В конце-концов получается кованная масса, из которой шлаки выжимаются ударами молота. Такое железо вообще очень не чисто, качества его еще ухудшаются, если руда попадает плохая, напр., с большей примесью серы.

Дальше ушла в своем развитии железная техника Индостана. Там уже за 2½ тысячи лет до нашего времени кузнецы могли готовить из кованного железа сплошные массивные колонны более 1½ аршина в поперечнике и 7 саженьей высоты. В древнюю эпоху в Индостане, у кочевых народов Турана, в Передней Азии появляется и стальное оружие. Сталь производилась тем же кузнечным способом, как и железо.

У народов Европы: греков, этрусков, римлян, германцев, первоначальный способ добывания железа такой же, как в Африке и Азии. Только первоначальная «доменная

печь», яма, несколько отгесняется горном, который, прежде всего, получил распространение у кочевников. Обработка руды в существенных чертах та же самая: доведение массы до ковкого состояния, выжимание шлаков ударами молота.

Кузнечное добывание железа на горне оставалось господствующим почти до конца средних веков. Прогресс заключался в более внимательном выборе руды, некоторых усовершенствованиях в устройстве печей и горнов, определении моментов, когда следует приступить к проковыванию, чтобы получить сталь или железо. В общем же металлургическая промышленность Европы по своему техническому уровню не могла равняться с Востоком. Заметное движение в ней начинается только с эпохи крестовых походов, которые привели европейцев в непосредственное соприкосновение с Передней Азией и в косвенное — с Индостаном.

XIV век открывает эпоху быстрых и резких переворотов в производстве железа. Водяное колесо, уже в предыдущем столетии применявшееся при устройстве мельниц, применяется теперь для потребностей горного дела: для того, чтобы приводить в движение огромные мехи при печах, тяжело-весные молоты — при раздроблении руды. По мере усиления тяги в печах, вместо ковкой массы по временам стала получаться плавкая масса. Этот результат был на первых порах не только непреднамеренным, но и неприятным для мастеров, которые еще долгое время были в полной власти традиций своего дела, как кузнечного дела. Вытекавший чугу́н, смешанный со шлаками, считался отбросом; мастер, не устранивший такого скандального происшествия, жестоко вредил своей репутации. Так самое развитие старой, кузнечной техники приводило к созданию новой, литейной техники, как бы прямо давало ее в руки. Но, при исключительном господстве узкого эмпиризма во всех производственных операциях, прошло еще немало времени, пока непреднамеренный результат старых приемов не лег в основу новой металлургической техники.

Переработка чугуна при посредстве особых печей, зачаточной формой которых послужил горн, начинается в XV веке. Железо и сталь получают более однородные, чем при кузнечной обработке. Изобретение пороха до чрезвычайности повысило потребность в железе, как материале для ядер. Отливка их из чугуна возникает в самом начале XVI века. Непосредственно к ней примыкает отливка из чугуна плит, полос, некоторых земледельческих орудий и т. д.

Из отброса, из случайного продукта кузнечного производства чугу́н превращается в металл, спрос на который все увеличивается. Печи приспособляются специально для его получения. Уже в половине XVI века возникают доменные печи в том виде, как они с некоторыми изменениями существовали до эпохи пара, в течение четырех следующих ве-

ков, да отчасти и теперь сохраняются в сравнительно мелких чугуно-литейных предприятиях.

Так развивалась железная техника от ее возникновения и до конца феодального периода. Всякое ее завоевание немедленно утилизировалось земледелием, скотоводством и *военным делом*. Каменная мотыга была еще распространенным орудием в эпоху зарождения феодализма. Плуг с железными частями (или соха) сделался главным сельскохозяйственным орудием уже на заре средневекового европейского феодализма. Каменный топор и копье с каменным или костяным наконечником были главным оружием первых феодальных вождей, объединявших соседние роды. Боевые колесницы, металлические шлемы, мечи и копья троянской войны, железные и стальные панцири, щиты, кольчуги, кинжалы, рапиры, алебарды разнообразнейших форм и т. д., — словом, то поразительное богатство и разнообразие холодного оружия, которое мы теперь можем наблюдать только в музеях, — вот чем характеризуется полный расцвет феодальной эпохи. Возникает военно-инженерное искусство. Воздвигаются сложные укрепления, представляющие продуманную до мелочей систему стен, рвов, волчьих ям, наполненных водой каналов, подъемных мостов, подземных галлерей для бегства или неожиданных вылазок. Строятся колоссальные стенобитные машины, отводятся реки от осажденных, которые в свою очередь ведут контр-подкопы и противопоставляют машины. Беспорядочная толпа с несколькими вождями, главным ресурсом которой был беспорядочный стремительный натиск, начинает превращаться в дифференцированную армию, частью конную, частью пешую, составленную из различных родов оружия, с более или менее значительным обзосом, с сложными машинами, с разделением труда, уже близком напоминающим будущую мануфактуру¹⁾. Так складывалась материальная основа для выделения воинов, как особой профессии.

Значительные перемены произошли в новый период в средствах сношений. Но их развитие было очень неравномерно. Обмен внутри более или менее обособленных областей все еще не играл сколько-нибудь заметной роли. Колесных дорог не было, мосты отсутствовали, поскольку само земледелие не требовало этих сооружений. Обмен оставался внешним для родов и межродовых союзов и должен был прокладывать путь иногда на огромные расстояния. При таких обстоятельствах наибольшее значение имел выучный и водный транс-

¹⁾ „Война достигла выработанности равнее, чем мир: следовало бы показать, каким образом войною и в армиях, и т. д. известные экономические отношения, как наемный труд, машины и т. д., были развиты ранее, чем внутри буржуазного общества. Отношение между производительными силами и средствами сношений также становится особенно наглядным в армии“. К. Маркс, в черновом наброске конца 50-х годов, впервые напечатанном Каутским в 1907 году, как введение ко второму новому изданию „Zur Kritik der politischen Oekonomie“.

порт. Применение вьючных животных — лошади, верблюда, кое-где вола, в гористых странах осла — сделало возможной караванную торговлю в крупном масштабе. Еще быстрее развивались средства водных сношений: применение железных и стальных орудий открыло новую эпоху кораблестроения. Челнок, выжженный и выдолбленный из ствола, с течением времени развивается в судно, пригодное для дальнего плавания: многovesельную лодку с несколькими сотнями гребцов, — галеру значительной быстроты и сравнительно крупной грузоподъемной силы. Парус из звериной шкуры заменяется легкими парусами из ткани, которые сначала лишь дополняют работу гребцов, но впоследствии вытесняют их, так что парусное весельное судно превращается в корабль. Морская торговля финикийян (и карфагенян), спускавшихся далеко к югу Африки и совершавших в позднейший период регулярные поездки на Британские острова, путешествия греков, их преемников на Средиземном море, отважные походы средневековых норманнов, которые со Скандинавского полуострова добрались до Гренландии и открыли Америку почти за полтысячи лет до Колумба, — все это показывает, что уже в феодальную эпоху техника мореплавания сделала большие завоевания. В феодальный же период традиционное «поле» битвы перенеслось и на море. Саламин, при котором Греция положила конец движению персов к Европе, имел для стран Средиземного моря такое значение, с которым теперь, почти через 2½ тысячи лет, в современной исторической обстановке, не может сравниться даже значение Цусимы для Азии.

Для существенных изменений в жизни первобытного человека требовались, вероятно, многие десятки тысячелетий, целые геологические периоды. В авторитарно-родовой период крупные перемены в технике и в общественных отношениях назревают тысячелетиями и, быть может, находят дополнительную опору в одновременно совершавшихся геологических изменениях. Феодальная эпоха (и примыкающая к ней переходная эпоха) с своей техникой тоже охватывает значительный промежуток времени в каждой стране. Но как ни велик он, его все же приходится измерять для различных стран различным количеством *столетий*.

Такими грубыми, но претендующими на точность, числовыми отношениями можно иллюстрировать ускорение темпа развития, все возрастающее по мере того, как человек удаляется от своих зоологических предков.

2. Земледельческая группа феодальной эпохи.

В разных странах феодальное объединение происходило при различных конкретных условиях. В одних случаях оно сопровождало переход от первобытного скотоводства к новому земледелию; в других — переход от примитивного сочетания земледелия с скотоводством к интенсивной садовой

или грядковой культуре, связанной с искусственным орошением. В одних случаях процесс феодализации охватывал роды со слабой внутренней дифференциацией; в других — роды, уже разложившиеся на семейные общины. Производственный строй тех ячеек, из которых складывается феодальное общество, в значительной степени определяется предыдущей историей.

Действительная экономическая история не знает того униформизма, — т.-е. единообразной последовательности конкретных общественно-производственных форм, — который приписывался ей, напр., еще недавно господствовавшими у нас воззрениями. Для представителей этих воззрений история всех земледельческих стран открывается неограниченным господством общинно-родового начала; в дальнейшем она представляет однообразный процесс его разложения, вызываемый какими-то чисто внешними силами, совершенно не связанными с внутренним развитием земледельческих общин. Представители этих воззрений упускают из виду, что даже наиболее сплоченная земледельческая община, как, напр., у ирландцев более тысячи лет тому назад, и отчасти у индусов, представляет уже продукт *разложения* первобытно-родового строя. Они забывают, что во многих случаях, напр., у греков, германцев и у кельтов, занимавших область современной Франции, прочный переход к земледелию совершился в эпоху, когда частная собственность успела проложить глубокие бреши в старинном родовом строе, и процесс выделения патриархальных семей зашел довольно далеко.

С другой стороны, не следует забывать, что известные формы общинных производственных отношений могли возникнуть лишь в дальнейшей истории земледельческих родов, развиваться, как продукт новых условий, отсутствовавших при переходе к новому земледелию. Таковы, напр., периодические переделы земли в России, таковы, быть может, общественные запашки в древнем Египте и Перу или на острове Яве. Это — явления иного порядка, чем общее хозяйство семейной общины у славян или клановое хозяйство ирландцев в ранний период средних веков.

Но в последнее время историки усиленно останавливаются именно на такого рода явлениях и, опираясь на них, приходят к выводу, что первобытный коммунизм — миф, что все земледельческие общины — искусственный продукт позднейшего времени. Среди либеральных экономистов, а также среди индоостанских и других чиновников становится господствующей теория чисто тяглового, фискального происхождения земледельческой общины. Согласно этой теории, общину создали завоеватели или правительства, которые обязали земледельцев круговой порукой в исполнении повинностей перед феодалами или государством. Община поддерживает каждого члена, поскольку это необходимо для того, чтобы он исправно отбывал свою часть повинностей и не обременял

своей долей тягла остальных членов общины. Для наиболее решительных представителей этой теории община земледельцев не имеет никакого иного корня и смысла.

Очень сложные и до крайности разнородные причины способствовали известному успеху этих воззрений. Одни ухватились за них для того, чтобы оправдать колониальную политику английского правительства, которое превратило феодальных старейшин и радж Индостана в полных земельных собственников и, закабалив им многомиллионное земледельческое население, тем самым подчинило его себе. Другие воспользовались ими, как орудием борьбы против современного социализма, который отрицает изначальность частной собственности и индивидуального хозяйства. Они старались показать, что каждый раз, когда в истории отсутствует частная собственность на средства производства и выступают зачатки коммунистических отношений, корня последних надо искать в закабалении всего общества и, по меньшей мере, в рабской зависимости непосредственных производителей. Получив такое освещение, прошлое служило для запугивания той «казармой», в которую пролетарский социализм будто бы угрожает превратить все общество. Наконец, у многих исследователей немалую роль играет чисто инстинктивная, неосознанная антипатия ко всему, что резко отличало от отношений развитого буржуазного общества.

К этим более или менее общим причинам отрицания преемственной связи между общинным землевладением и первобытным родовым строем, в России присоединились специфически-местные обстоятельства. На протяжении всего XIX века идет борьба между двумя основными направлениями в разработке русской истории. Для одного из них процесс общественного развития России вполне самобытен и даже противоположен западному развитию. Община и общинный дух—один из коренных устоев нашего органического развития, прерванного и нарушенного Петром.

Другое направление было скорее моральным осуждением, телеологическим отрицанием самобытности, чем научным выяснением действительного сходства между стадиями развития на Западе и в России. Глубокая своеобразность русской истории признавалась, но только затем, чтобы открыть в эпохе Петра, как резкой хронологической дате, новую эру: резкого разрыва с самобытностью, сближения с Западом. Из всего этого делался очень простой дидактический вывод: раз Россия уже порвала с своим самобытным прошлым, то ее будущее лежит не в органическом развитии, а в дальнейшей «европеизации», в дальнейшем «заимствовании европейских начал», в дальнейшем «сближении с Западом». И выводы эти получали характер увещаний, обращенных к правительству.

При более близком изучении русской истории стало выясняться, что Петр I был только временным носителем и наи-

более ярким воплощением процессов, которые начались еще в московский период, в XVI веке: в его реформах заявляет о своей зрелости торгово-капиталистическая эпоха, подготовленная всем предшествующим развитием.

Но наши либеральные историки (историки «западнического» направления) не видали всей исторической необходимости реформ начала XVIII века, всей их обусловленности экономическим прошлым. Для них это—более или менее произвольные акты правительственной власти, которая существует и действует, как будто без всякой общественной опоры. Вместо действительных объяснений, они говорят о внешних влияниях и о творческой мощи правительства.

Согласно этим воззрениям, в начале нашей истории наблюдается хаос, полное отсутствие общественных связей между элементами «бродячей Руси», блуждающими в пустынной стране ¹⁾. У нас будто бы не развилось ни средневековых сословий Европы, ни феодализма, ни крестьянской общины, ни всего общества. «Все общественное здание воздвигалось рукою власти (Б. Чичерин), или, в более современной и потому менее искренней формулировке, общество и государство развивалось «наизнанку» по сравнению с Западом: там все строилось снизу вверх,—у нас сверху вниз. У нас «государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс внутреннего экономического развития». (П. Милоков). В конце-концов, все общество опять-таки строилось «государственной властью». Она же создала и «мир», *деревенскую общину*, связав индивидуальных земледельцев, элементы бродячей Руси, коллективной ответственностью за исправное отбывание всевозможных повинностей.

Политические корни этой теории не подлежат никакому сомнению. Она гармонически связана со всем общественным мирозерцанием и своих первоначальных творцов, и их позднейших продолжателей. Правительство, своей всемогущей властью творившее в прошлом русское общество, полагали либеральные историки, и впредь могло бы изменить самое направление общественного развития. Необходимо только, чтобы оно поняло уроки истории, в особенности сделало вывод из внешних столкновений и испытаний, и произвело некоторые, чисто персональные изменения в своем составе ²⁾.

¹⁾ П. П. Маслов в своем истолковании строй и новейшей русской истории тоже исходит из «бродячей Руси», бессознательно заимствуя точку зрения либеральных историков и, в частности, П. Милокова «Общественное движение в России» I, стр. 643 и сл.

²⁾ Свое завершение историческая теория русского либерализма нашла в мнимом объяснении реформы 1861 года, вывинутом Струве. Оно сводится к тому, что общественно-экономические предпосылки этой реформы отсутствовали, что она проведена властью «государства, как организации порядка», которое просто *предвосхищало* будущее капиталистическое развитие и направлялось в своей деятельности не внутренними, а внешними, в первую очередь—международными отношениями.

Как бы ни относиться к научной ценности этой теории, нельзя отказать ей в одном: в большой полемической извительности, направленной против самобытников разного рода, в первую очередь, против славянофилов, но потом и против народников. Оказывалось, что та самая сила — государство, — которая у самобытников фигурировала, как разрушительница исконных устоев русской истории, была в действительности творцом этих устоев. Своей полемической остроте, несомненно, обязана эта теория и тем, что один ее элемент — фискальное происхождение общины — был до известной степени воспринят марксизмом.

Однако, легко видеть, что либеральная историческая теория представляет в сущности славянофильство наизуворот, методологически стоит в одной плоскости с ним, равноценна ему. Согласно одной концепции, внешняя сила, несвязанная с внутренним развитием, производит ломку национальных устоев; согласно другой, то же самое абстрактное государство, или правительственная власть, из ничего творит новый мир общественных отношений. В обоих случаях — откровенный или несколько замаскированный дуализм общества и государства.

На самом деле ни правительствам, ни феодалам не приходилось изобретать деревенской общины: и те внешние влияния, которые в конце-концов разлагают ее, были необходимым продуктом ее внутреннего развития. Общее направление последнего не изменялось даже мощными завоевателями, вторгавшимися извне.

Характерен в этом отношении пример Индостана. Некоторые новейшие исследователи (напр., Баден-Пауэлл) стараются показать, будто корни индостанских общин следует искать исключительно в фискальных мероприятиях английского правительства. Но даже им приходится признать, что последнее, при всей своей мощи, просто сумело использовать те формы общинной жизни, которые оно застало при своем появлении. Даже они открывают, что коллективную ответственность удалось ввести только в тех областях, где патриархальный род, клан, обнаруживал большую степень живучести. В этих областях сохранилось воспоминание о происхождении от общих предков, действительных или только мнимых; со-обща выбирались старейшины, которые регулировали общие дела селения; земледелец не был частным собственником обрабатываемой им земли, — он временно, впрямь до передела, пользовался только известной долей территории, принадлежащей всей общине. В этих областях круговая порука не встретила сопротивления. Напротив, в тех частях Индостана, где разложение старинного рода зашло много дальше, даже мощному правительству Англии пришлось отказаться от своей фискальной реформы. Таким образом, стремясь вскрыть чисто тягловое происхождение современных индостанских общин, исследователи непреднамеренно раскрывают самую тесную пре-

емственную связь между ними и патриархальной родовой общиной.

Иных первоначальных корней не имела и русская община. Централизующееся московское государство XVI—XVII веков нашло уже готовыми — или, точнее, еще сохранившимися — некоторые элементы общинных отношений. Пустоши, леса и выгоны не делились между крестьянами, оставались в общем пользовании. Самое земледелие, соединявшееся с экстенсивным скотоводством, с постоянным выпасом скота, требовало соединения последнего в общее стадо и приводило к тому, что даже пахатная земля, когда она оставалась под паром, поступала в общее пользование. Таким образом, самая техника земледелия препятствовала тому, чтобы процесс развития частной собственности получил завершение. В некоторых случаях расчистка новой земли могла быть произведена только коллективным трудом. Традиции общинно-родового быта получали новую опору в этих временных отношениях трудовой сплоченности. Для заведывания всеми общими делами мир выбирал старост, тысяцких, сотских, — как их выбирала и германская родовая община, марка. И уже в домосковский период феодал имел дело не с отдельными крестьянами, а со всем деревенским миром или с его выборными представителями, которые заведывали раскладкой повинностей. Таким образом, московскому периоду не приходилось создавать общины, — ему оставалось только использовать ее и возложить на нее новые функции. Русская община, как и западная, много старше государства. В русской экономической истории нет «самобытности» ни в том смысле, будто крестьянская община представляет специфически-русское (или славянское) учреждение; ни в том смысле, будто, в противоположность западной крестьянской общине, русская община создана лишь государством, стремившимся к созданию удобного тяглового аппарата, неукоснительно действующего на местах.

Конечно, новая роль, возложенная на общину государством, не могла не отразиться на всех ее внутренних отношениях. По мере того, как ее непосредственно экономические функции сокращались, а фискальные с ростом государственной централизации увеличивались, община все более превращалась в тягловую общину; следы ее первоначального происхождения все более исчезали. В дальнейшем община уже с самого начала — при переселениях, при расчистке новой земли — воспроизводилась, как организация тягла по-преимуществу, и государство уже действительно могло просто распространять эту форму, как бы «создавать» ее в новых областях.

Но даже в тех случаях, когда фискальные функции сыграли огромную роль в развитии общины и общинного землевладения, они не создавали общину из ничего, а лишь возрождали старую родовую общину. Таков был, по всей вероятности, и первоначальный источник общинной обработки полей

тех «общественных запасок» в Египте и, особенно, в Перу, продукт которых поступал жрецам, феодалам и т. д.

Земледельческие общины феодальной эпохи, поскольку сохранились данные об их внутреннем строе, можно расположить в правильный ряд, в котором непосредственно трудовые связи становятся все более слабыми. Но этот ряд не представляет стадий развития, через которые полностью проходила всякая земледельческая страна. Так, напр., общинная обработка земли во многих случаях отсутствовала.

Существуют основания думать, что основу древнейшей индоиранской общины составлял слабо дифференцированный род. Как общие потребности всей родовой группы, так и индивидуальные потребности отдельных ее членов удовлетворялись продуктом общинной обработки земли. Но дифференциация общины уже началась; из ее состава выделились различные организаторы, в некоторых общинах (на севере) еще выборные, а в других (на юге) отчасти уже наследственные: старшина, жрец, счетчик или писарь, предводитель, сельские стражники и т. д. Их семьи уже явно отделились от общего состава рода, их потребительное хозяйство резко обособилось от общего хозяйства рода. Они получали известную долю продукта всей родовой группы.

Каждая община живет обособленной жизнью. Почти все потребности должны удовлетворяться ее собственным производством. Для исполнения неземледельческих работ, требующих известной специальной выучки, в каждой деревне имеются свои кузнец, гончар, сапожник, цирюльник — он же примитивный хирург, обыкновенно и профессиональный сват — и т. д. Но это — не ремесленники в позднейшем значении слова, а должностные лица деревни. Они содержатся на общественный счет. Даже в областях (и в эпохи), где разложение рода зашло дальше и земля обрабатывается отдельными семьями, сельской платы не существует; должностные лица ежегодно получают от каждого обывателя определенное количество зерна, мяса, овощей, впоследствии денег, — т. е. вознаграждаются в форме, которая напоминает наем пастуха в современной русской деревне.

Вопрос о том, имела ли место где-либо и в Европе общая обработка земли родовыми группами, в настоящее время представляется спорным. Лампрехт, напр., высказывает предположение, что родовое земледельческое производство у германцев вначале существовало. Другие находят следы общинно-родового земледелия у пиренейских басков, у кельтов Ирландии и т. д. Но факты, на которые опираются эти гипотезы, довольно малочисленны и допускают иное истолкование. Зато не подлежит никакому сомнению, что основной хозяйственной ячейкой на заре европейского земледелия была не индивидуальная семья, состоящая исключительно из родственников по прямой нисходящей линии, а обширная семейная община, охватывающая и боковые ступени родства

по мужской линии, — нечто среднее между родовой общиной и позднейшей индивидуальной семьей.

Однако, хотя семья уже выделяется из состава рода, но обрабатываемая ею земля еще не составляет не только собственности ее главы, но и коллективной семейной собственности. Частная земельная собственность представляет лишь конечный результат длительного процесса, который и в наше время еще не пришел к завершению.

Пока земледелие оставалось кочевым, земельной собственности и даже сколько-нибудь прочному землевладению не было места. Роды еще не осаживаются прочно на своих территориях; последние на своей периферии еще не вполне обособились одна от другой. Так же неустойчивы и поземельные отношения внутри каждой родовой группы. В пределах временно занятой территории земледельческие семьи переносят свое хозяйство и жилье с места на место, пока всей родовой группе не придется искать новой территории, — потому ли, что ее начинают теснить соседи, или же потому, что на старой территории уже не остается места для экстенсивного земледелия.

Отношения землепользования становятся более устойчивыми, когда роды оседают на занятых территориях. Отдельные семьи через известные промежутки времени переносят запашки все на одни и те же места. Соответствующие участки фактически выделяются в их исключительное пользование, — но именно только участки, поступающие под полевую культуру. Остальная часть территории — леса, выпасы и т. д. — сохраняется в общем пользовании родовой группы и, кроме того, служит запасным фондом для растущего населения. Эта земля принадлежит «всем», или, что то же самое, не принадлежит никому. Она — «ничья», «Божья». В областях с живучими родовыми традициями: у славян, у большинства германских племен, прочное расселение приобретает форму более или менее обширных деревень. Непосредственно примыкающая к ним земля тоже остается в общем пользовании, общими силами окружается рвом или изгородью и служит для постоянного выпаса¹⁾. Такие отношения землепользования до сих пор можно наблюдать на севере Европейской России и, особенно, в Сибири.

Переход к более интенсивному земледелию, к трехпольной системе, сопровождается более прочным закреплением определенных участков земли за отдельными семьями. Фактически он уже сам по себе представляет установление длительных, постоянных отношений между определенной семейной группой и более или менее отграниченной площадью

¹⁾ Напр., у германцев еще в эпоху Цезаря и даже Тацита скот круглый год оставался на подножном корму. Запасы корма для скота начинают делать лишь после прочного перехода к оседлому земледелию, притом к сравнительно интенсивным его формам.

пахатной земли. Эти фактически сложившиеся отношения потом обыкновенно утверждаются прямым решением общины, которая, не ограничиваясь простой регистрацией, в большинстве случаев старается до известной степени урегулировать их. Вся пахатная земля предварительно разбивается на участки, или конь, из которых каждый охватывает почву равного качества и равных удобств. Всякий двор, т.-е. всякая семья, по жребию получает свою долю в каждом коне. Такие окончательные «переделы» могут и не сопровождаться сколько-нибудь значительной перетасовкой сложившихся поземельных отношений. Еще в период, когда происходит расчистка земли, деревня каждый раз захватывает площади более или менее однородных достоинств и намечает в них участки для отдельных семей. Окончательное урегулирование не столько создает череполосицу, сколько просто санкционирует уже существующую, сложившуюся в длинном ряду поколений.

Господствующая система возделывания, трехполье, без особых затруднений примиряется с череполосицей. Полосы, которые отводятся отдельным семьям в каждом коне, настолько велики, что необходимость переносить распахивание, бороньбу и т. д. с одной полосы на другую не вызывает бесполезного расточения времени. В каждом коне отводится полоса приблизительно таких размеров, что на распахивание ее уходит как раз целый рабочий день. Некоторые из первоначальных названий таких полос: *morgen*, *Tagewerki*, *furnalis* и т. д., уже сами по себе говорят о технической рациональности, лежащей в основе распределения конов между отдельными хозяйственными ячейками¹⁾.

Соединение таких соседних полос в более крупные не повело бы ни к какому выигрышу. Получив два моргена вместо одного, крестьянин должен был бы выезжать на свою полосу не один день, а два дня кряду, или же отправился бы на пахоту не один, а вдвоем. Но и в последнем случае не получилось бы никакой выгоды. Каждый пахарь совершал бы свой труд *индивидуально*. Существующая техника земледелия делала здесь возможной только простую *одновременность* однородных трудовых операций, не повышающую их производительности. Несколько иначе обстоит

¹⁾ Эти названия полосы прямо означают: «количество земли, которое можно вспахать в одно утро, в один день». На протяжении всего феодального периода эта непосредственно-трудовая, субъективная единица измерения, от страны к стране изменяющаяся вместе с качествами почвы и трудностью обработки, оставалась господствующей единицей для измерения площади сельскохозяйственной земли. Объективные меры начинают применяться лишь с того времени, когда земля перестает быть просто основой пропитания и становится предметом торгового оборота. Тогда старинные «моргены», «акры», «йохи» переводятся на новую меру и дают то разнообразие действительной величины моргена и акра, которое наблюдается до настоящего времени. — Наша десятина пережила в общих чертах ту же историю.

дело при уборке хлеба и сена. Здесь совместный труд дает начало временным мануфактурным группам, складывающимся на короткое время и повышающим производительность труда некоторым его разделением. Но так как в этих случаях требуется величайшая быстрота; то «морген», — т. е. количество земли, которое можно распахать в одно утро, — и здесь оказывается технически-рациональной величиной, с которой обычно успевает справиться крестьянская семья средних размеров. Малосильным семьям приходится прибегать к «помочам», к соседскому содействию односельчан. Общая уборка всей деревней, т. е. полное уничтожение разделения на полосы, тоже ничего не дало бы. На данной ступени земледельческой техники осуществимо лишь слабое разделение труда; для создания мануфактурной группы рациональных размеров вполне достаточно 5—7 человек, обслуживающих каждую *отдельную* повозку, на которую нагружается, напр., сжатая рожь. Таким образом, земледельческая техника и новые урегулированные формы землепользования вполне гармонируют друг с другом. Противоречия между ними возникают лишь с того времени, когда по тем или иным причинам исчезают запасы свободных земель, на которые могло бы направляться растущее население. Тогда чернопосевная, начинающая переходить в череполосное раздробление, распыление, парцеллирование земли. Но это явление лежит далеко за пределами феодальной эпохи.

Те отношения землепользования, которые устанавливаются вследствие урегулированного распределения пахатных земель, никак нельзя назвать отношениями частной собственности в современном значении слова. Земля предоставляется не индивидуальному земледельцу, а целой семье. Глава последней — просто ее представитель. По отношению к полученной земле у него нет права продажи, передачи и завещательного распоряжения. В хозяйственном использовании ее он тоже исполняет лишь волю представляемой им коллективности: он — просто организатор экономической деятельности семьи, но не собственник ее средств производства. Такое положение в некоторых странах сохранялось очень долго, — до самого последнего времени. Напр., в Индии лишь англичанам суждено было ускорить и отчасти завершить превращение представителей семейных общин в действительных землевладельцев. В России только в начале XX века блок буржуазии с аграриями, характерный для современной экономической эпохи, предпринял решительные шаги с той целью, чтобы превратить главу крестьянской семьи в полного собственника земли.

Но и семье не предоставляется безграничного права распоряжаться той землей, которая отводится для нее. Она может пользоваться ею, только, как пахатной землей. Когда сенокос жатва, земля превращается в часть выпаса, общего для всей деревни. Этим определяется и дальнейшее ограничение

права распоряжаться пахатной землей. Если бы каждый крестьянин производил озимый и яровой посевы и оставлял полосы под паром, где и как ему вздумается, то все поля деревни превратились бы в пеструю мозаику, в которой озимые полосы чередуются с паром, созревающий яровой хлеб вклинивается в пастбищные участки. Общее стадо и общий выпас были бы невозможны; без дорого стоящих ограждений отдельных полос выпас на пахатной земле вообще сделался бы невозможным. Таким образом экстенсивное скотоводство и экстенсивное земледелие обуславливают и поддерживают так называемый *принудительный севооборот*: однородную обработку и однородные посевы на полосах, расположенных по соседству ¹⁾. Основные черты этого порядка наметились, несомненно, уже в заимочный период земледелия. Коллективно расчистив новый участок, заимочники сеяли на нем одинаковые хлеба и в одинаковой последовательности. При однородности почвы на соседних полях сам собою получался общий севооборот.

Следовательно, даже по отношению к пахатной земле общине принадлежало особое право собственности, которое осуществлялось то как право коллективного пользования, то как право высшего владения и распоряжения освободившимися участками. Пока отношения землепользования еще не упрочились, и все находилось в состоянии брожения, время от времени производилось перераспределение пахатной земли между наличными семьями. В зависимости от изменений их состава, у одних отбирались полосы земли, другим отводились новые, — совершался частичный или полный передел земли. Так было, несомненно, в некоторых областях Германии. Но и в тех периодических переделах, которые явились позже, как приспособление к феодальным или государственным повинностям общины, право последней распоряжаться всею землей не было создано, а лишь получило дальнейшее развитие. С другой стороны, предпосылкой беспренятственного применения переделов и здесь оставалась старинная однородность феодальной деревни: одинаковая тщательность, — или, точнее, одинаковая примитивность — экстенсивной культуры, соответственно одинаковое количество скота, качественная и количественная однородность удобрения и т. д.

Леса, дуга, пустоши по-прежнему остаются в общем пользовании всех членов деревенской общины. Оно сохраняет вольный характер, почти никем и ничем не регулируется.

¹⁾ Принудительный севооборот обыкновенно выводится из общинного землевладения. Но для феодального периода зависимость, очевидно, обратная. Здесь техника непосредственно определяет формы собственности, владения и пользования. Севооборот становится действительно *принудительным*, начинает диктоваться извне лишь с того времени, когда формы собственности превращаются в тормаз для новой земледельческой техники. для феодального периода выражение *Flurzwang* *принудительный севооборот*, очень не точно.

пока размер общих угодий превышает потребности населения. На этом основании некоторые исследователи склонны утверждать, будто общинного землевладения никогда не существовало. Те отношения к земле, которые выражаются термином: общая земельная собственность, говорят они, была в действительности полным отсутствием земельной собственности. При бесграничном земельном просторе земля никому не принадлежала.

Но они упускают из виду очень важное обстоятельство. Территории деревенских общин довольно рано отграничиваются одна от другой. В Германии процесс их размежевания начался в I веке, и в общих чертах достиг завершения уже к IV веку, т.-е. в эпоху, когда, согласно этой теории, земельной тесноты еще не было. Каждая деревенская марка, т.-е. преемница родовой общины, занимает с этого времени вполне определенную территорию. По мере того, как в последующие века—до XIV—XV столетия—марка дает начало новым деревенским общинам, ее территория распределяется между последними и развивается в сеть более мелких, но по-прежнему вполне отграниченных территорий. Землевладение каждой общины совпадает с ее территорией. Те же явления наблюдались в удельный период русской истории, когда от волостной общины, развившейся из старого рода, ответвлялись деревенские общины. Следовательно, уже для этого периода неверно, будто бы земля не принадлежала никому: если в пределах деревенской территории земля не принадлежала никому в частности, это и означает, что она принадлежала всем, в совокупности общины. Последнее обнаруживается с полной ясностью, когда относительные размеры угодий сокращаются. Тогда община начинает регулировать пользование лесом, лугами, виюнами и т. д. Покос, напр., выполняется сообща, потом сено распределяется между дворами; в позднейший период луга разделяются только перед покосом и на время покоса. Регламентируется и ограничивается количество голов скота, на выпас которого имеет право каждое хозяйство общины; за излишнее количество община требует особое вознаграждение, и т. д. Каждый двор (или германская гуфа) превращается в совокупность прав пользования различными угодьями, причем величина его доли в этих угодьях соответствует его доле в полях.

По мере того, как растет население и производится новые расчистки под пашню, площадь общих угодий все более сокращается. Тем не менее она остается очень значительной на всем протяжении феодальной эпохи. Быстрое сокращение ее, местами полное исчезновение, относится к следующему периоду; оно было вызвано не столько внутренним развитием самого крестьянского земледелия, сколько развитием городского мира, который с течением времени обособился от деревни.

Первоначальная деревенская община у славян и германцев, в Японии, Индостане и Перу, — а также, судя по некоторым признакам, в Египте и Месопотамии, — совпадала с родовой общиной. С течением времени эта связь между ними разрывалась. От родовой общины отделяются новые поселения, которые начинают жить обособленной жизнью; на границах старых территорий возникают общины с населением, отделившимся от различных родовых общин. Родственные отношения — исходная точка в развитии общинной жизни — все более ступеньваются перед просто соседскими отношениями. Известные формы совместной борьбы за существование все более диктуются непосредственно экономическими условиями, независимо от общности крови и родовых традиций.

Но и оторвавшись от своего первоначального базиса, от родовой общины, деревенская община воспроизводит ее внутренний строй, является сколком с нее. Она не создавалась вновь, а просто воспроизводилась: точно так же, как дружина на различных ступенях своего развития была копией тех родовых организаций, которые дали ей начало; как цехи и гильдии при своем возникновении переносили отношения деревенской жизни в новую область, или как некоторые старинные формы наших артелей были городским изданием деревенской общины. Сила или слабость общинного начала, степень обособления организаторских функций, выделение больших семей или даже распадение последних на мелкие индивидуальные семьи, характер связей каждой деревенской группы с соседними и, вообще, с внешним миром, — во всех этих и в других отношениях деревенская община является просто преемницей родовой общины. И даже мыслятся новые общественные отношения в старых идеологических формах, заветанных родовой общиной. Какой бы пестрой по своему составу ни была новая крестьянская группа, возникает и удерживается, несмотря ни на что, фикция первоначального родства, как единственной основы создания и существования общины. Да, впрочем, и в действительности все члены деревенского мира, в конце-концов, обыкновенно переплетаются отношениями родства; но последние возникают лишь с течением времени, вследствие заключения браков на ограниченной территории, замкнутой в своем экономическом существовании. Следовательно, здесь уже не пределы совместной борьбы за существование очерчиваются отношениями родства, как было в старой родовой группе, а наоборот: отношения родства развиваются на базисе совместной экономической жизни ¹⁾.

¹⁾ Еще несколько десятков лет тому назад даже в московской губернии встречались обширные деревни, в которых все крестьяне носили 2—3 фамилии. Конечно, к этой „эндогамии“ особого рода приводило в значительной мере внешнее принуждение, крепостное право. Но она обуславливалась и общим экономическим строем старинной деревни.

В ту эпоху, когда в различных странах Европы совершался переход к оседлому земледелию, разложение рода зашло довольно далеко, и общее производство и хозяйство родовой группы в значительной степени уступило место индивидуальному хозяйствованию отдельной семьи. Техника средневекового земледелия лишь в немногих случаях требовала объединенных действий со стороны односелов, да и в этих случаях самое производство оставалось по большей части индивидуальным. Коллективная организация труда выступала при пастьбе стада, при устройстве колодцев и прудов, при возведении еще некоторых сооружений, о которых будет упомянуто ниже, иногда при расчистке новой земли. С выделением военно-организаторских функций, даже организация защиты во-вне выскользает из ведения деревни; а с выделением воина в особую профессию, — процесс, который зашел более или менее далеко в Индостане, Японии и средневековой Европе, — житель деревни окончательно развивается в Ваггера, восделывателя, хлебороба, крестьянина, вся жизнь которого почти целиком протекает в его индивидуальном хозяйстве и исчерпывается, как показывают некоторые из этих названий, его отношениями к ограниченному участку земли. Те немногие общие функции, которые еще исполняются совокупностью односелов, обуславливают лишь более или менее поверхностную соседскую связь между ними и не создают той глубокой экономической сплоченности, того недифференцированного, сплошного существования, которыми характеризовался старый род. Сами по себе они не в состоянии задержать дальнейшего разложения деревенской общины и превращения ее из экономической организации в просто административную организацию. Это — общая тенденция в развитии всех общин, а вовсе не специфическая особенность тех из них, которым приписывается чисто внешний, фискальный способ возникновения.

Несмотря на существование, а в некоторых случаях и на большую живучесть деревенской общины, крестьянин уже в феодальный период превращается в того индивидуалиста, каким его знает и новейшая история. Все важнейшие предметы потребления производятся в его собственном хозяйстве, — и все оно строится таким образом, чтобы все необходимое производилось в каждом индивидуальном хозяйстве. Последнее становится самодовлеющим миром. Крестьянин сам мастерит соху и телегу, по крайней мере их деревянные части, сам строит избу, кроет крышу и кладет печь, обыкновенно сам же выделывает кожи и шьет обувь. В его индивидуальном хозяйстве варится пиво и мед, и проходят все стадии обработки, до последней включительно, лен и пенька. Недаром не только у нас, но и в Германии и во Франции представление о крестьянине старинного типа прочно ассоциировалось с прялкой или веретеном. Каждое правильное крестьянское хозяйство должно наладить свой ткацкий станок и произ-

водить все ткани, необходимые для членов семьи. Шитье производится дома. Еще очень недавно зазорным считалось, если крестьянка не могла «обшить» всю семью. По возможности собственными силами производится даже окраска тканей и пряжи.

Типичное крестьянское хозяйство становится эмбрионом всех производств, какие только можно представить себе. Крестьянин развивается в то чудо универсальности, каким он оставался вплоть до вторжения капитализма, и каким наше народничество и родственные западные течения возвели его в идеал человеческого совершенства.

Примитивность техники и полная неразвитость потребностей были необходимой предпосылкой такой организации крестьянского хозяйства. Только экстенсивное земледелие, располагавшее обширными пространствами земли, могло мириться с самодельными плугом (сохой) и бороной, сделанными почти сплошь из дерева. Только человек, в глазах которого вся жизнь и вся деятельность имеет лишь одно предназначение: пропитание, удовлетворение элементарнейших потребностей в пище, одежде и жилище, может расточать рабочую силу так, как ее расточает крестьянин, вся жизнь которого непосредственно сводится к производству необходимых средств существования.

В очень немногих, исключительных случаях крестьянин не может обойтись своей собственной работой и работой семьи, произвести необходимые предметы непосредственно «трудом рук своих». «Правильный» крестьянин, т. е. типичный представитель феодальной эпохи, даже кузнечные работы старается выполнить при своем собственном доме. В некоторых областях Германии, напр.: в Рудных горах, в Трирском округе и на Рюгене, эти традиции выдержанно-замкнутого хозяйства сохранялись еще в половине прошлого века.

Тем не менее то выделение кузнецов в особую профессию, которое началось в предыдущий период, продолжается и в феодальной деревне. Но и появление кузнеца мало изменяет общий характер самодовлеющего хозяйства. Сам кузнец, в особенности на первых порах, такой же крестьянин, как и остальные, только размеры запашки у него относительно меньше. Кузнец, подобно современному русскому пастиуху, состоит как бы на службе всей деревни: за определенное ежегодное количество продуктов — ржи, овощей, дров и т. д., — раскладываемое между дворами общины, он обязуется починять для них все орудия, а различные экстраординарные работы выполняет за особое вознаграждение, уплачиваемое тоже в натуре. Такая организация обслуживания крестьянских хозяйств кузнецом сохранялась в захолустных деревнях России и Германии до новейшего времени; только к вознаграждению натурой присоединялось небольшое денежное вознаграждение.

Положение мельника мало отличалось от положения кузнеца. Работа на мельнице берет у него только некоторую часть его рабочего времени. Он или, по крайней мере, его семья крестьянствует, т. е. занимается земледелием так же, как и остальные односельчане. Если мельник пришлый, то надел, получаемый от общины, составляет часть вознаграждения за помол. Обычной и важнейшей формой вознаграждения даже в современной деревне остается известная доля муки или зерна. Иногда применяются способы вознаграждения, совершенно чуждые точной мере и весу: явление характерное для старой деревни, в которой все производство непосредственно направлено на собственное потребление, и хлеб не превратился в товар, меновая стоимость которого должна быть вполне определенной величиной¹⁾.

В таком направлении развивалось крестьянское хозяйство не только в средневековой Европе, но и в древних Греции и Риме, в Египте, Месопотамии, Китае, Японии, вообще во всех случаях, где и когда земледelec сохранял хотя бы некоторую производственную самостоятельность. Хозяйственная зависимость, выражавшаяся в том, что ему приходилось отдавать часть своих продуктов или труда феодалам или государству, несколько не нарушала чисто индивидуалистического характера его собственного производства. Только некоторой частью своего существования он включался в чуждое хозяйство и производство. В остальном же был по-прежнему натурально-хозяйственным крестьянином, индивидуальным производителем.

Этим объясняется между прочим возможность тех великих перетасовок населения, о которых говорит история Египта, Ирана и Месопотамии. Победитель переводил население обширных областей, целиком или большую часть, в прочно подчиненные части страны, где расселял его среди старого населения; последнее, наоборот, давало переселенцев в новые, только что завоеванные области. Крестьянские семьи и целые крестьянские общины, представляя обособленные организмы, лишь слабо и поверхностно связанные с соседними организмами, в самом непродолжительном времени устраивались на новом месте совершенно так же, как на своей родине. Эти насильственные пересадки поражают воображение современного человека. Для территориально-расчлененного хозяйства перевод, напр., московского населения в Сибирь, архангельского — в Москву был бы равносителен глубокому разгрому экономической жизни России, как это, и мож-

¹⁾ Во многих местах России главное вознаграждение мельника до сих пор составляет то количество муки, которое он может подцепить лопаткой из ларя или мешка. Только с превращением хлеба в товар, т. е. с крушением крестьянского хозяйства, как оно сложилось в феодальный период, этот способ становится источником ожесточенных столкновений и после долгой борьбы уступает место более объективным способам нормам вознаграждения.

но было приблизительно наблюдать при огромных волнах беженства во время нынешней войны. В феодальном же мире произвольное перемещение масс, населяющих обширные области, не вызывало особенно глубоких экономических пертурбаций.

Но как раз отсутствие глубоких связей между элементами феодального общества и делало такие перетасовки политически целесообразными. Эти элементы — употребляя несколько измененное сравнение Маркса — лишь так же внешне могли спланиваться друг с другом, как картофелины мешком. Племена, уже прочно ассимилированные вновь возникающей феодальной системой, должны были своей внешне-принудительной силой сдерживать элементы, вновь включенные в нее завоеванием. Так шло феодальное объединение патриархальных земледельческих общин и обширных областей Ассирии и Вавилона, Египта и Персии. Библия хранит воспоминание о двух таких попытках ассимиляции израильтян соседями-земледельцами. Это, во-первых, так называемое «переселение в Египет», где израильтяне, повидимому, должны были земледельчески колонизовать новую область (Сихем); во-вторых, — позднейшее «вавилонское пленение». Оно было не в силах изменить прочно сложившиеся формы хозяйства у преимущественно скотоводческого и торгового народа ¹⁾.

Подчиненная община водворялась около реки, одна или вместе с соседними общинами прокладывала новый канал, если требовалось искусственное орошение, и потом замыкалась в своем крестьянском существовании. Общие оросительные работы, поскольку они требовались для более или менее обширной территории, объединяли осевшие на ней группы, — но тем менее надежна была связь подобных территорий между собою. Они без особого труда объединялись одним завоевателем, не находили особых побудительных мотивов противиться другому, если он оставлял незатронутыми общие основы их крестьянского производства, и почти так же легко переходили под власть третьего.

Подведем итоги.

¹⁾ Играя роль торгового посредника между Месопотамией и Египтом, израильтяне постоянно подвергались ударам то с одной, то с другой стороны. Так называемый «исход из Египта», — событием, о реальной исторической основе которого приходится только догадываться, — их вассальная зависимость от Египта не окончилась. И хотя позднейшая история всячески старается вытравить из памяти этот горький для национального сознания факт, даже Давид и, в особенности, Соломон находились в строгом вассальном подчинении египетским фараонам. От этой зависимости израильтяне освобождались, вообще говоря, только затем, чтобы сделаться вассалами счастливых соперников Египта: вавилонян или персов, греков или римлян. За развитием торговых сношений между областями Передней Азии и Средиземного моря шло расширяющимся кругами их феодальное объединение. Так ограниченные области, как Палестина, достигали независимости лишь на короткое время, и не столько собственными силами, сколько благодаря соперничеству мощных соседей.

Насколько можно судить по сохранившимся данным, прочный переход к земледелию в разных странах совершался в эпоху, когда старый, внутренне-целостный род уже в значительной степени разложился. Отдельные случаи, в которых предполагается общинно-родовое земледельческое производство с распределением продукта между членами родовой группы, не могут считаться бесспорными.

Тем не менее способ первоначального расселения земледельцев—германская марка, русская волостная община—непосредственно примыкает к патриархально-родовой общине. Индивидуальная собственность на землю медленно возникала лишь в ходе развития и дальнейшего разложения этих общин. Экстенсивная техника земледелия и скотоводства приводила к тому, что относительно устойчивые отношения пользования складывались у земледельческой семьи только к пахотной земле, но и эта земля, когда жатва снималась, поступала в общее пользование. Остальные же угодья: луга, выгоны, леса, пустоши—постоянно находились в общем пользовании деревни.

Не приводя к созданию индивидуальной земельной собственности, феодальное земледелие обуславливало однако лишь временные и довольно поверхностные связи между единичными хозяйствами соседних крестьянских семей, и потому не могли задержать дальнейшего разложения рода и превращения деревенской общины из экономической в административную организацию. Но, по меньшей мере, такую-то организацию возникающее государство во всяком случае, нашло существующей и, связав ее членов круговой порукой, не создало общины из ничего, как утверждает теория чисто административного происхождения общин, а просто расширило и изменило функции той общины, которая была продуктом разложения старого рода.

В процессе своего распада патриархальный род дал начало патриархальным семейным общинам, которые и являются основной экономической ячейкой феодальной эпохи. Связанная с другими членами деревенского мира преимущественно соседскими отношениями, каждая крестьянская семья представляет самодовлеющее хозяйство. Основное ее стремление — удовлетворять все потребности непосредственно собственным производством. Те немногочисленные «ремесленники», которые появляются в феодальной деревне, не расширяют, а скорее укрепляют общий натурально-хозяйственный вклад крестьянской семьи, и сами очень мало выделяются из крестьянской массы.

Таким образом экономический строй деревни дает объяснение той локальной и провинциальной ограниченности и обособленности, которую характеризует феодальный период и тому индивидуализму, который становится типичной чертой крестьянина.